

Содержание

ОН

7

ОНА

169

ОНИ

273

*...Когда меня спрашивают, что бы я забрал из
горящего дома, я отвечаю — огонь.*

Жан Кокто

*Разве не счастье — обладать смыслом в окруже-
нии торжествующей бессмысленности?!*

*Казаться, будто ты здесь, а быть там. Или
жить там, а казаться, будто...*

Ну, ты меня понимаешь.

Но я-то тут при чем? В чем моя вина?

Ну скажи, в чем я провинилась?

*Ведь, в отличие от тебя, я не могу взлететь или,
точнее, погрузиться туда,*

куда погружаешься ты. Понимаешь?..

Я просто этого не умею. И боюсь.

Афаг Масуд

— Я хочу найти новые пути. Если не найду, ты мне поможешь.

— ...Знакомые мне пути уже устарели, их знают и другие. Ты лучше сам потрудись да найди совершенно новые, никому не известные.

— ...Буду думать и непременно найду.

— Думай, дружок. Это твой долг — думать и открывать новые пути.

Джафар Джаббарлы

OH

*Ты нигде не побываешь по-настоящему, пока не
вернешься домой.*

Терри Пратчетт

...Изо дня в день он берет в руку перо и пишет ей. Бартльбум не знает ни ее имени, ни адреса, но он твердо уверен, что должен рассказать ей о своей жизни.

Ибо кому же, как не ей?

*Он верит, что, когда они встретятся,
он с трепетной радостью водрузит на ее лоно
шкатулку красного дерева,
доверху наполненную письмами, и скажет:
— Я ждал тебя.*

Алессандро Барикко

1

Я вырос в домике с зеленой крышей на Абшероне. Полуостров на западном берегу Каспия, укрытый желтым одеялом соленых песков. Тут море спокойно и смиренно, как дервиш, а виноградные лозы витиеваты, как арабские буквы. Мы приезжали сюда на электричке. Июньская жара, станция Инжирная, бабушка с двумя соломенными сумками. В одной — наши с братом вещи, в другой — овечий сыр, соленый творог шор и банка катыка.

До дачи триста восемьдесят два шага через типично абшеронскую пустыню с зелеными колючками. Специально с братом замеряли. Мы спешим, иначе молочное скиснет. Бабушка Сона, крепкая женщина с короткой стрижкой и кожей цвета пересушенной кураги, нас опережает: «Финики, до счастья осталось триста два шага. Не спите!» Счастьем для нас был и есть дом. Дом, где всегда хорошо.

Сона отпирала тяжелую деревянную дверь дачи со словом «бисмиллях» и заходила первой, нашепты-

вая молитву. Словами из священной книги очищала дом от джиннов. «Их надо добрым словом проводить восвояси, приготовить халву с дошабом в память о покойных, раздать ее нуждающимся». Дошаб, сладкий сироп, Сона варила из сока черной шелковицы с добавлением корицы.

Следом входили мы с братом, вдыхая запах прошлогоднего лета. Вон наш надувной дельфин в прихожей, чуть схуднул от тоски, надо бы снова надуть и оживить в холодной воде утреннего Каспия.

Зимнюю сырость в углах уже высушило летнее солнце. Осталось прогреть подушки, одеяла, матрасы. «Финики, а ну-ка за работу: подушки на солнечную сторону веранды. Иначе ночью будем спать в холодном море». Мы бежали за подушками, я выбирал синие. Они действительно были пропитаны зимним дыханием моря. Соленым, с липкой прохладой.

Наутро Сона перебирала сорванный в саду чабрец, аккуратно раскладывала ветки на столе, застеленном пергаментом. Сушила на зиму и лечила им, когда внуки простужались. Я внюхивался в фиолетовые соцветия, помогал срезать корни и разговаривал с бабушкой обо всем, из чего соткана жизнь.

«Финик, все мы свободны, и в этом наша уникальность. Ты будешь жить с тем, во что веришь.

Если принимаешь жизнь как борьбу, готовься к постоянной борьбе. Если думаешь, что за все в жизни надо платить, будешь платить, причем двойной ценой. Каждый обладает свободой воли — мы сами определяем свою правду и отношение к ней».

Брат, пухлощекий сорванец, быстро уставал от «скучных» разговоров, убегал во двор. А меня беседы с Соной наполняли настолько, что, бывало, ночами не мог заснуть — море эмоций захлестывало скалы сознания.

С годами нашел способ усмирять волнение — стал его записывать.

* * *

В конце дачного дома была комнатка без окон. Мы ее называли Морской. Стены в сине-голубых волнах, а светло-коричневые полы под ногами походили на дно Каспия.

Долгое время комната служила маринадной: бабушка ставила туда банки с оливковым вареньем, баклажанной икрой, маринованной мушмулой и помидорами.

Со временем о комнате позабыли, и она превратилась в хранилище домашнего хлама.

Однажды летом мы с братом подхватили краснуху. На время болезни нам запретили купаться в море, что мы тяжело переживали. Хныкали, капризничали, порывались убежать из дома в сторону берега. Но бабушка не отходила от шkodливых внуков ни на шаг.

Дедушка, некогда увлекающийся живописью, долго думал, как облегчить нашу тоску по морю, и решил преобразить маринадную. Быстро почистил, освежил полы, покрасил потолок голубой краской, нарисовал белоснежные облака, а на стенах — волны. Комната подсохла, была тщательно прибрана бабушкой и стала нашим морем на время краснухи.

Сона стелила нам коврики, мы часами валялись в Морской комнате, представляя, что нет никакой болезни и мы на берегу Каспия. Это было счастьем.

* * *

После завтрака мы с бабушкой шли провожать дедушку на работу. Повод прогуляться. Судостроительный завод находился на семнадцатой отметке берега, пятнадцать минут вдоль моря. На коричневом песке покоились старые перевернутые лодки, разукрашивая береговую линию. Вот зеленая, с дырявым дном и надписью «Мурад». Так звали сына хриплого-лосого рыбака по кличке Музыкант, он заманивал в сети кефаль с помощью печальной песни нея — флейты из камыша.

На Востоке говорят, что ее звук наполнен любовью Создателя. Поэт Физули писал: «Всегда стенаю я, тростник... То страстью, то жалобой мой полон крик... Рыдать не перестану я... Будь даже срезан я для нея».

У Музыканта родился долгожданный и единственный сын. «Я научу Мурада играть на нее, и он тоже будет возвращаться с уловом». На шестом году жизни у малыша обнаружили лейкоз, спустя год он ушел из жизни.

Музыкант продолжал выходить в море, но больше ни одной рыбы не принес домой, не сдал на рынок. Весь улов отдавал бедным семьям.

* * *

Я помню время своей жизни, когда почти все ушли, а те, кто остались, меня не слышали. Со стороны эта картина, может, и выглядела отчаянно и одиноко, но я не испытывал ни отчаяния, ни одиночества.

Со мной были город и земля, подарившая мне хлеб, воду, море и понимание. Земля еще и учила. Смирению, например.

Я отчетливо ощущал, как липовые деревья вдоль Желтой улицы, кривые каменные лестницы на спуске

к улице Бюльбюля, отрезок набережной недалеко от платановой рощи и медовые глаза кучерявой музыки уличного музыканта наполняют меня спокойствием.

Все, что плыло навстречу, умирало мою раскачивающуюся на волнах лодку и превращало ее в корабль.

Земля, по которой дни напролет я двигался, казалось бы, в неизвестность, была мне другом. Каждый новый рассвет наполнял ее сиянием Вселенной, которым потом освещались души ищущих, ожидающих и благодарных. Это закон жизни: получают те, кто ждет, а другие просто проходят мимо и тоже... продолжают путь.

В период знакомства с собой я часто обращался к воспоминаниям детства. Особенно ночами, когда вокруг четыре стены, одно окно и не слышно моря. Путешествовал в дни, когда мы с братом, уставшие после моря, спешили домой, где нас ждали бабушка с сырными лепешками и прохладным компотом из фейхоа и блаженная Морская комната.

Источники силы не только вокруг, но и внутри нас. Пора перестать надеяться исключительно на разум и обратиться за помощью к душе.

Руми писал: «В тишине есть красноречие. Останови плетение смыслов — и увидишь, как улучшается пони-

мание». Бывает, мы теряем родные звуки. Голос любимого человека, песню дорогого сердцу города или шум бескрайнего моря. Они либо утихают, либо мы перестаем их слышать. Наступает тишина, которая сначала пугает, но потом исцеляет, открывая в нас новое.

Слух становится чутким. Мы лучше слышим себя, а значит, лучше понимаем, что нам нужно.

* * *

У бабушки Соны было любимое изречение: «Все пути ведут в утро, Финики». Тогда, в абшеронском детстве, ее слова казались шуткой. Сейчас осознаю их глубину.

Сона прошла нелегкую жизнь, не раз падала, но вставала и продолжала путь. Не любила об этом говорить. Многие узнал уже после ее смерти от родственников, с улыбкой называющих ее Соной-скалой.

Я тоже люблю утро. За новую надежду и шанс, за свежесть воздуха и сияние солнца после дождливой ночи. В каждом «завтра» — новое утро.

Завтра утром мы станем еще лучше, научимся не поддаваться всеобщему хаосу. Будем беречь свои миры, чаще обнимать близких, помогать тем, кто нуждается в помощи, больше путешествовать. На самом деле все просто.

ЭЛЬЧИН САФАРЛИ

Завтра утром мы поймем, что ни одно событие в жизни не случайно. Мы об этом знаем, но часто забываем, когда сталкиваемся со сложностями. Страдать, ощущать себя жертвой, жаловаться на «тяжелую долю» легче, чем подняться, поблагодарить Вселенную и двинуться вперед, дальше.

А еще завтра утром мы придем к морю, и его в нас станет еще больше.

* * *

Часто бываю на нашей даче у станции Инжирной. Пусть всего лишь мысленно. Нет уже ни того дома, ни той станции, ни тех дорог. Бабушка с дедушкой умерли. Теперь у нас с братом другие дома, но воспоминания — это то, чего ни у кого не отнимешь. Мы часто путешествуем их путями, и для этого не нужно ни виз, ни билетов, ни перелетов, ни денег.

2

Время от времени, долгие годы, а порой и всю жизнь нас не покидает ощущение, что нам чего-то не хватает. Понимающего мужчины, чуткой женщины, здорового ребенка, теплого дома, реализованного призвания, привлекательной внешности, стабильного дохода.

Даже получив желаемое, спустя время мы снова испытываем неудовлетворенность. Если раньше переживали из-за отсутствия хорошей работы, то, устроившись в престижную компанию, жалуемся на невнимание любимого человека.

Кто-то скажет, что такова человеческая природа — жить в полутонах. На самом деле это то, с чем мириться нельзя. Чувство неудовлетворенности нужно преодолевать словом «спасибо». Как писал Толстой: «У меня нет всего, что я люблю. Но я люблю все, что у меня есть».